

Вячеслав НЕСКОРОМНЫХ

СИБИРСКИЙ ЛЕДОВЫЙ ПОХОД

Трагические события гражданской войны в России в сибирских пределах имели свои особенности. На огромных просторах от Урала и до Владивостока, среди полноводных рек и тайги сталкивались интересы монархистов и анархистов, эсеров и либералов разных мастей, иностранные части легиона чехословаков, японские и американские войска, отряды казачьих атаманов, порой не подчиняющихся никому, интернациональные батальоны и банды местных, что грабили и убивали всех без разбору. Долгие годы под самыми различными лозунгами противостоящие друг другу силы билась с переменным успехом, делили золотой запас России, пытались проводить свою, одним им понятную политику, раздирая восток империи на части.

Можно было слышать лозунги: «За единую Россию!», «За власть Советов!», «За Советы без коммунистов!», «Анархия — мать порядка!», «Земля и воля!», «Земля — крестьянам!» и многие другие, часто противоречивые призывы.

В огне этой борьбы гибли люди, совершались великие преступления, была уничтожена царская семья, разгонялись прежние правительства, расстрелян адмирал Колчак и премьер Пепеляев, терялось и вывозилось достояние империи, её золотой запас, создавались и распадалась новые государственные образования. История тех событий крайне противоречива, интересна и охватывает самые порой загадочные события, которые совершались незаурядными людьми.

Одним из наиболее трагических событий страшного по жестокости противостояния является Сибирский Ледовый поход, по сути, массовый исход значительной части российского общества через тайгу, утопая в снегу, по неверному льду рек, через Байкал бесконечно глинной дорогой через всю Сибирь в Забайкалье и за пределы России.

I

Поражения сибирских армий вынудили Колчака с остатками правительства Директории покинуть Омск, оставив на растерзание красных худые заслоны и прорываться через охваченные волнениями восточные области Сибири, пролетарский Красноярск. Армии сибирских войск под командованием генерала Каппеля отступали теперь на восток, двигаясь параллельными курсами вдоль Транссибирской магистрали, и сохраняли боеспособность, в отличие от армии генерала Анатолия Пепеляева, которая массово переходила на сторону большевиков.

Несмотря на наличие железной дороги, белые не имели возможности воспользоваться Транссибом для доставки вооружений и солдат: чехословацкие легионеры ревностно контролировали единственный путь из России, лишая союзников стратегической возможности использовать железнодорожный транспорт.

Третья армия генерала Сахарова отступала южнее через Западно-Сибирскую тайгу по узким заснеженным дорогам. Тайга в зимнее время превратилась в ловушку в условиях стратегического окружения: с запада преследовали войска двух красных армий, на пути возник мятежный Красноярск, к которому стягивались отряды красных партизан; с юга простирались обширные территории, контролируемые партизанской армией Щетинкина, насчитывающей более тридцати тысяч бойцов с артиллерией и пулеметами; с севера простиралась необжитая, глухая, заснеженная тайга.

Выходило, что ошетижилась Сибирь против Колчака всем своим жестким естеством, неуступчивым характером. Красные войска наступали, объявив тотальную мобилизацию и комплектуя свои армии путем активной агитации. Им это удавалось: манили посылками и призывами к расправе над теми, кто мешал получить обещанные блага и свободы. Несогласных и колеблющихся, слабо поддающихся на посылы отправляли в сборные пункты и в регулярные части под конвоем. В случае неповиновения или дезертирства, привлеченных к мобилизации расстреливали без всякого суда.

Сибирская армия перемещалась, растянувшись длинной лентой бесконечных конных санок с двумя-тремя седоками в тулупах, с винтовками и баулами с провиантом и вещами. На узкой лесной дороге могли разместиться только двое саней в ряд, а если наезженный путь сужался, возникали пробки, обойти которые по глубокому снегу среди леса было невозможно. Приходилось останавливаться и ждать.

По мере продвижения людские потоки редели, и крайне сложно было сохранять воинский боевой дух в такой-то неразберихе, в отсутствии должного управления и снабжения: люди были голодны, плохо одеты и нуждались в самом необходимом. При вынужденных остановках арьергарду приходилось спешно занимать оборону, чтобы прикрывать армию и многочисленные обозы с мирными жителями отседающих войск красных.

Пути следования отступающих войск армий Колчака были завалены брошенными санями, артиллерийскими орудиями и обозными повозками, которые передовые части не смогли вывезти из-за катастрофической нехватки лошадей: животные массово гибли от переутомления, голода и лютого мороза. Мороз давил, и после ночевки на привалах оставались трупы околелых коней и окоченевшие тела несчастных.

У деревни Дмитриевка боевое арьергардное соединение Уральской дивизии, державшее более суток натиск красных войск, вынуждено было остановиться и расчищать завалы на заснеженной дороге. Пока растаскивали преграды, освобождая дорогу и утопая в снегу по пояс, застрявшие войска почти полностью полегли под огнем пулеметов и были добиты неуклюжим, через снежные топи, наскоком конницы красных эскадронов. Уставшие смертельно уральцы, голодные, без поддержки пулеметов и конницы, были порублены и перемешаны со снегом. После дикой, со звериным оскалом на лицах, рубки поле боя выглядело как снежное, с мелкой зыбью и волной море, на поверхности которого как бы плавали тела порубленных солдат и пенилась на закате волна с красным оттенком.

В котловине у поселка Успенского арьергард Ижевской дивизии белых обнаружил множество трупов, которые были брошены отступающими в обозе: хоронить не было ни времени, ни какой-либо возможности. Большинство умерли от холода, ослабленные голодом и болезнями. Раненые солдаты и казаки лежали вперемешку с женщинами и детьми: лица и тех, и других были полны страданий и мольбы. Тут же в беспорядке валялись трупы павших лошадей, обломки саней, сундуки и ящики со скарбом, брошенные артиллерийские орудия.

Войска были утомлены долгим пешим переходом. Кто-то, вконец обессилив, садился в стороне от дороги и оставался умирать, безучастный и совершенно опустошенный. Войска красных, наступая следом за отходящей армией, двигались порой в пределах узкой лесной дороги по телам сотен полузанесенных снегом людей, некоторые из которых были еще живы. Умиравшим не помогали, а в лучшем случае обходили стороной, оставляя погибать не под полозьями саней, а медленной мучительной смертью.

Тем не менее, войска сибирских колчаковских армий оставались еще боеспособными: огрызались боями на отходе, цеплялись за каждый изгиб дороги, за каждую деревню, пригорок или овраг, сдерживая напор красных. И было непонятно, что ковало этот боевой дух. Но продолжал стоять солдат и офицер Сибирской армии, являя миру веками складывающийся боевой характер русских дружин.

Поезда с верховным правителем Колчаком и вагонами с золотым запасом едва успели проскочить Красноярск, как случился мятеж. Начальник Красноярского гарнизона генерал Бронислав Зиневич вдруг выступил с обращением к местным большевикам о том, что готов подчиниться их власти, и встретил своих недавних соратников в штыки. Эта ситуация напоминала спланированную ловушку: отсечь Колчака с конвоем и золотым запасом России от основных сил и таким образом попытаться влиять на политическую ситуацию.

Третья армия в первых числах января вышла из Западно-Сибирской тайги, сильно поредевшая и практически без артиллерии, которую пришлось бросить в лесу. Лишь восемь орудий вынесли на своих руках артиллеристы и солдаты Ижевской дивизии. Армия обошла захваченный красными Ачинск и, минуя стороной ощетилившиеся деревни, направилась к Красноярску, где соединилась с армией Каппеля.

Вдоль полотна железной дороги шли войска генерала Войцеховского, которому Каппель поручил выбить из города взбунтовавшийся гарнизон. Но успеха действия войск не имели из-за нерешительности и отсутствия сведений о противнике.

Из Красноярска в сторону деревни Дрокино, для преграждения пути, была спешно выслана полурота пехоты красноармейцев с пулеметами, которая заняла высоты к северо-западу от города верстах в трех от него. С Лысой горы, что господствовала над долиной и рекой, все открытое в этих местах пространство простреливалось на многие километры.

На противоположном плато собралось несколько тысяч саней с сидящей на них Белой армией, подошедшей с запада. Тут же при войске был верхом и командующий Каппель, его заместитель генерал Войцеховский и с ними несколько всадников из штаба.

Прогнать несколько десятков красноармейцев можно было обходом влево с одновременным нанесением прямого удара, о чем тут же был сделан приказ. Однако ни один солдат из саней выходить не пожелал, и все завершилось к ночи только бессмысленной взаимной пальбой без каких-либо последствий. С наступлением ночи войска пошла в обход Красноярска. Другая часть подразделений проследовала через город по его окраинам, не зная о ситуации в городе. Это привело к тому, что часть отступающих солдат попала в засаду и сдалась добровольно красноярскому гарнизону, еще недавно входившему в состав Сибирской армии.

Части корпуса Каппеля также попали в окружение возле Красноярска, не получив вовремя сведений о том, что город контролируется предавшими их войсками. Приходилось теперь с боем прорываться по окраинам, сменяя заслоны красных и неся потери. В этой неразберихе белые войска потеряли свой последний аэроплан, использовавшийся для разведки.

Аэроплан, что базировался на оборудованном под аэродром поле возле деревни Дрокино, взмыл в небо по приказу из штаба Каппеля для изучения обстановки вокруг города и пробыл в небе без малого два часа. Но когда пришлось возвращаться, аэродромное поле уже было захвачено отрядом красногвардейцев. При посадке летчик Ставрогин заметил подвох, уже завершая пробежку — вдруг увидел красные ленты на шапках солдат, их искореженные гневом лица и сумел вновь поднять свою механическую птицу в небо. Но далеко не улетел: пулеметный огонь разметал обшивку, заглушил двигатель, и аэроплан, плавно скользя, упал за Дрокинской горой. Ближе к упавшему самолету оказались войска Белой армии, и летчик не пропал, а был вызволен из аэроплана.

Продырявленную огнем пулемета механическую птицу бросили, а летчик Ставрогин, прослезившись, вскинул на плечо кавалерийский карабин, что хранил в аэроплане на случай, если придется совершить вынужденную посадку, встал в строй и зашагал вместе со всеми, слившись с одноликой серой массой. Теперь, размеренно ступая шаг в шаг среди солдат, пилот Ставрогин отличался только тем, что мог представить, как бы он смотрелся с высоты полета над этой заснеженной и заросшей бесконечными лесами местностью среди смертельно усталых и выживающих на морозе людей, бредущих неизвестно куда и с какой целью.

Цель белого движения стала растворяться в этих бескрайних снегах сибирского простора, теряла актуальность под натиском красных войск и партизан, бесчисленных жертв.

Пушки тащить по заснеженной тайге без дорог было невероятно тяжело. Лошади уже не справлялись, также выбившись из сил без отдыха и добротного корма. Пришлось пушки бросить, а замки и прицелы от пушек утопить в реке. Шли теперь как бы налегке, оставив только самые легкие мортиры, которые можно было навьючить на коней. Корпус сохранял боеспособность и, сменяя заставы красных войск, двигался по бездорожью, не встречая крупных сил противника.

Генерал Владимир Каппель бодрил своих усталых солдат:

— Ребята, пушки мы добудем! Не теряйте духа, в этом залог нашей победы! Помните наставления фельдмаршала Суворова, который через Альпы перемахнул и даже без пушек вышел из окружения!

Перед Каппелем встал вопрос, куда двигаться дальше после Красноярска. Было решено спускаться вниз по Енисею и дальше двинуться по льду замерзшей реки Кан в направлении Нижнеудинска, в обход железной дороги и мест дислокации красных партизан.

Кан — река порожистая, а берега реки изобилуют родниками и минеральными источниками, что делает лед реки ненадежным. Часть офицеров, опасаясь застав неприятеля на тракте, настаивала на маршруте по Енисею вплоть до Стрелки — места слияния двух могучих сибирских рек, после чего идти на восток уже по Ангаре. Этот путь представлялся безопасным, но значительно более долгим.

В результате после кратких дискуссий войска разделились: генералы Перхуров и Сукин двинули несколько тысяч своих подчиненных по Енисею до слияния с Ангарой и далее пошли в сторону Илима по Ангаре и реке Лена до Байкала. Следуя этим долгим маршрутом, испытав тяжелые боевые столкновения, часть сохранившейся армии под командованием генерала Сукина (генерал Пехтуров был пленен и, вероятно, погиб) вышла у прибрежного поселка Онгурен к Байкалу и, преодолев его, оказалась в Верхнеудинске только в марте.

Каппель повел войска по льду Кана, стремясь не отставать от верховного командующего Колчака и двигаться по более короткому маршруту вслед за ним, рас-

считывая соединиться в пределах Трансба.

Но, как оказалось, опасения относительно состояния ледяного покрова реки были не напрасны. Несмотря на сильные, тридцатиградусные морозы, пороги Кана не замерзли, а по поверхности льда реки под снегом струилась вода из термальных источников. Это создавало огромные проблемы. Пороги приходилось обходить по заснеженной тайге, а двигаться по льду, по глубокому снегу, под которым стояла вода, было невероятно тяжело. Люди в пешем строю проваливались в снег до воды, промокали и тут же на морозе покрывались льдом. Мучились и лошади — выбивались из сил, резали себе надкопытные венчики об острые ледяные грани. Обувь тяжелела, и идти в ней становилось тяжело до невозможности. Сани, проваливаясь до воды, тяжелели от намерзающего льда, примерзали, что требовало огромных дополнительных усилий. Лошади и люди выбивались из сил. Снег валил сутками, и настроение войск было удручающим от усталости и отсутствия ясности в перспективах изнурительного похода.

Именно во время этого перехода Каппель промок, отморозил ноги и, тяжело больной, лишившийся в результате операции отмороженных ступней ног, продолжил путь в седле во главе армии, преодолевая боль и тяжелейшее свое состояние, поддерживаемый ординарцами, что следовали рядом неотступно.

Пятнадцатого января армия Каппеля овладела Канском и вышла на Сибирский тракт. За Канском две колонны Сибирской армии неожиданно соединились. Оказалось, что часть войск с обозами под командованием генерала Сахарова пошла по более короткому маршруту вдоль Сибирского тракта и успешно прошла двести верст до города, не имея сведений ни о неприятеле, ни об армии Каппеля.

Такое соединение разбросанных отступлением войск позволило создать более боеспособное соединение: походное движение управлялось теперь более четко, наладилось снабжение войск провизией. Численность армии составила около тридцати тысяч человек, и этот поток отчаявшихся было людей теперь уверенно двигался по тракту и успешно вел бои против неприятеля. Появилась надежда возрождения боеспособного белого движения, но было понятно — сил пока хватало только на спасение.

Перед Нижнеудинском возникли боевые столкновения с отрядами противника, но, отгеснив красных умелым натиском, в ожидании тепла и краткого отдыха, двадцать первого января войска Каппеля вошли в город.

От пленных красноармейцев Каппель узнал, что власть в Иркутске захвачена большевиками, а верховный правитель выдан новой власти. Каппель собрал последнее в своей жизни совещание, лежа в кровати, опираясь на подушки. Был он бледен и таял, казалось, на глазах, но полон решимости. Было решено атаковать Иркутск и отбить Колчака.

II

Власть в Иркутске перешла к большевикам в результате активного наступления Красной армии и решающего влияния на события чехословацкого корпуса, захватившего вокзал и железную дорогу.

В декабре, в последнюю неделю уходящего 1919 года произошло восстание в казармах Иркутского гарнизона в Глазковском предместье, что у самого вокзала, раскинувшегося у реки: две роты повстанцев захватили телеграф и развернули наступление на гостиницу «Модерн», в которой размещались члены колчаковского правительства. Всю ночь шел бой, но повстанцы казаками и юнкерами были к утру отброшены в сторону рабочего предместья за речку Ушаковку, и на этом восстание практически провалилось.

Обыватели могли наблюдать, как бежали в наступающей темноте в панике нападавшие, изредка останавливаясь, и с колен спешно стреляли из винтовок в надвигающихся нестройной лавой казаков. Но казаки, проявляя настойчивость, высекая из брусчатки искры подковами коней, настигали бегущих и яростно выкашивали шашками, и только наиболее расторопные успевали скрыться под мостом, разбегались далее по льду реки, прятались во дворах предместья за высокими дощатыми заборами.

Ангара в эту пору еще не встала под лед и парила, словно свежее стираное белье на морозе, коробилась отдельными льдинами у берега, вороша их, двигала, громоздя завалы. Понтонный мост через Ангару, соединявший Глазковское предместье с центром города, был разрушен начавшимся ледоходом, что усложняло ведение боевых действий по усмирению восставших.

Начальник Иркутского гарнизона генерал Сычев решил привести взбунтовавшийся полк к порядку и решительно открыл с утра артиллерийский обстрел казарм. В ответ на активные действия по усмирению недовольных генерал Жанен, представитель Антанты при правительстве Колчака, неожиданно для начальника гарнизона сообщил,

что не допустит обстрела и, в свою очередь, откроет огонь из пушек по центру Иркутска с бронепоезда.

— Это что за выверты! — ревел на заседании с командирами подразделений начальник городского гарнизона, потомственный казак генерал Ефим Сычев. — Предатели, шкурники! Что прикажете делать в такой ситуации?

— Выхода нет, придется подчиниться, Ефим Георгиевич! У них сила многократно поболее будет. Если выступят, сомнут нас, как кулек бумажный.

— А подавить мятеж почему они не хотят нам помочь? Это их союзнический долг. Удержим власть в городе, они смогут беспрепятственно отбыть на восток, — продолжал бушевать генерал.

— Своя рубаха ближе к телу. Берегут то, что имеют.

— Сукины дети! Делают из России, как из шлюхи, все, что хотят!

— Да уж, загуляла старушка на старости лет. Встряхнется, небось — омолодится!

Выходило, что генерал Жанен и весь корпус чехословацких легионеров занял сторону восставшего полка против правительства Колчака. Формально это было так, но фактически продиктовано личными интересами, которые сводились к тому, чтобы сохранить в целостности железнодорожные пути, вагоны и паровозы — все то, что было необходимо для эвакуации подразделений легиона и представителей Антанты из пылающей Сибири во Владивосток, в порт, откуда можно было покинуть пылающую и гибнущую империю.

Перед самым Новым годом на станцию Байкал, разместившуюся на скалистом берегу озера у истока Ангары, пришли вызванные Сычевым по телеграфу три бронепоезда атамана Семенова из Верхнеудинска для подавления восстания взбунтовавшихся солдат гарнизона. Показалось, что гибельную ситуацию в городе удастся исправить, ведь бронепоезда — это сила. Но укрытые сталью поезда были остановлены близ Иркутска поставленным на путях паровозом. Едва бронепоезда подошли к возникшей на путях преграде, обороняющие дорогу солдаты чехословацкого легиона открыли предупредительный огонь с крутого ангарского берега. Пришлось возвращать бронепоезда назад и ждать исхода событий на берегу Байкала, намереваясь все же как-то поддержать гарнизон. Но вскоре к станции Байкал неожиданно подошел из Иркутска и атаковал семеновцев мощный бронепоезд «Орлик» чехословацкого легиона, и белоказачи были вынуждены уйти со станции в сторону Слюдянки.

Творилось непонятное. Недавние союзники теперь противостояли друг другу, решая свои, как оказалось, не совпадающие по цели задачи. Если Сибирская армия белых билась с большевиками за власть над территорией, то легионеры ревностно заботились о контроле над железной дорогой — старательно оберегали путь на восток как единственный для своего спасения и возврата на родину.

Были памятливы еще успешные для Белой армии события лета 1918 года, когда удалось предотвратить взрыв тоннелей отступающими на восток красными войсками на станции Байкал. Станция и одновременно порт Байкал размещается на скалистом берегу озера у самого истока Ангары, а напротив, через реку лепился к скалам на узкой береговой линии вдоль Байкала поселок рыбаков Лиственничный. Поселок с Иркутском связывал Байкальский тракт протяженностью в шестьдесят верст, а от станции Байкал к Иркутску вела железная дорога вдоль левого берега Ангары. Добраться до станции скрытно можно было только таежными тропами, что удалось отряду урядника Воронкова, отчаянного и расчетливого, опытного разведчика, донского пластуна. Удачная скрытая вылазка конного отряда разведчиков со стороны Иркутска позволила разобрать рельсы и отрезать путь красным по железной дороге на восток, а затем уничтожить четыре тонны динамита, собранные для подрыва тоннеля и хранимые в вагоне. Страшный взрыв разнес станцию в пух и прах, опрокинул часть жилых построек, и в результате красным не удалось доставить и разместить взрывчатку в тоннелях Кругобайкальской дороги. Тем не менее, один тоннель близ Култука красные, отходя на восток, сумели все же взорвать. Для восстановления порушенного участка дороги потребовалось тогда три недели напряженной работы, а движение поездов без задержек смогли организовать только к осени.

В январе 1920 года бои в Иркутске шли вяло: постреливали в городском предместье, в ответ закипала как будто жаркая перестрелка в центре, ей вторила беспорядочная стрельба у реки, и всё вновь стихало. Поутру неспешно убирали единичные окоченевшие трупы с улиц: как в основном не бойцов, а ограбленных, под шумок стрельбы, горожан.

Чехословацкие легионеры удерживали под охраной вокзал и вагонное депо с паровозами, выставив посты на улицах, ведущих к полуразрушенному понтонному мосту и вокзалу, требуя всякий раз не стрелять в сторону железной дороги.

Японцы, закрывшись в глухом дворе частного обширного купеческого подворья у Лагерной деревянной церкви святых Петра и Павла в Глазковском предместье,

сидели тихо, усердно занимаясь строевой подготовкой и потягивая местный самогон, за неимением сакэ.

Победы не добились ни восставшие, стремившиеся скинуть власть колчаковского правительства, ни войска гарнизона. В городе оказалось сразу два центра власти: совет министров правительства адмирала Колчака и Политический центр, созданный из земцев, меньшевиков и социалистов-революционеров. В сущности говоря, обе стороны были одинаково бессильны и не имели никакого основания считать себя правительствами, ибо каких-либо подчиненных им органов управления не имели. Многие в городе держались на рабочих дружинах большевиков, которые до поры отсиживались в подполье, но с активностью пятой армии Тухачевского, напавшей с запада, все более проявляли себя. Население держалось пассивно, выживало, выжидая и чутко прислушиваясь, чья возьмет.

Все изменилось пятого января, когда по всему городу были расклеены объявления об отречении от власти Колчака. Блокированный в Нижнеудинске адмирал подписал указ о передаче власти в России генералу Деникину, а на востоке страны атаману Семенову. Так автоматически прекратилась власть верховного правителя России адмирала Колчака в Иркутске, а формально власть оказалась в руках Политцентра. А казалось, для сохранения власти были вполне благоприятные условия, которые определялись поддержкой союзников по войне с Германией, наличием японских войск на Дальнем Востоке и в самом Иркутске. Добавлял возможностей для удержания власти значительный, в несколько сот миллионов рублей, золотой запас Российской империи. Столь солидный капитал как приз нежданно упал к ногам Колчака именно в тот момент, когда он пришел к власти и был признан силами Белого движения верховным правителем России.

Через год, когда стало явным то, что власть Колчака пошатнулась, глава иностранной миссии генерал Жанен в Омске перед отступлением предложил адмиралу взять золото под свою охрану, гарантируя его сохранность при доставке на восток. Но что такое гарантии союзников, Колчак хорошо представлял. Адмирал на это предложение отвечал в свойственной ему манере — резко:

— Я лучше передам его большевикам, чем вам. Союзникам я не верю.

Этот грубый ответ был, по существу, правильным, так как персональная и единоличная гарантия Жанена не могла почитаться даже минимально достаточной. Хорошо понимал Колчак и то, что, провозглашая лозунг «За единую и неделимую Россию», он выступает против интересов бывших союзников в войне с Германией, для которых сильная и богатая Россия была не нужна, была всегда опасна, а золотой запас рассматривался как приз за участие в разделе страны. При этом Колчак полагал, что российское золото принадлежит прежде всего российскому народу и должно остаться в России при любых обстоятельствах.

Предлагая Колчаку взять золото под охрану и давая гарантии сохранности золотого запаса, генерал Жанен предполагал опираться на военную силу чехословацкого легиона. Легионеры занимали особое и крайне неоднозначное место в тех, столь запутанных исторических событиях. Сформированная в России для борьбы с германской коалицией на фронтах мировой войны после октябрьских событий армия добровольцев, перебежчиков и плененных чехов и словаков, ранее служивших в воинских частях Австро-Венгрии, числом несколько десятков тысяч штыков, оказалась не у дел. Позорный вынужденный Брестский мир вывел Россию из войны с огромными потерями территорий, и встал вопрос о возвращении легионеров на родину. Для решения задачи возвращения, понимая, что в сложившемся в стране хаосе только они сами способны решить свою судьбу, легионеры взялись контролировать единственный возможный путь — Транссибирскую магистраль, чтобы морем из Владивостока покинуть Россию. При этом и большевики, и контрреволюционные силы стремились вовлечь чехов и словаков в противостояние, надеясь извлечь свою выгоду. В результате исход легионеров затянулся на долгие два года и сопровождался жестким противостоянием со всеми, кто мог помешать им вернуться домой. Продвижение на восток многотысячной группировки войск сопровождалось грабежами, захватом вагонов, паровозов, ценностей, а также убийствами всех, кто вступал в противостояние с легионерами.

Во время активной борьбы за власть в Иркутске адмирал Колчак находился на железнодорожном вокзале в своем поезде в Нижнеудинске, в пятистах верстах от Иркутска: поезда были блокированы по распоряжению генерала Жанена. Вскоре последовали требования об отречении Колчака от власти и распоряжения о разоружении конвоя. Понимая, что ситуация складывается крайне неблагоприятно, Колчак в тягостных раздумьях, раздираемый противоречивыми идеями, не решился оставить золотой запас под контролем чехословацких легионеров и уйти с конвоем в сторону Забайкалья и Монголии. Пытаясь хоть как-то сопротивляться давлению

союзников, Колчак решает остаться в Нижнеудинске, силами конвоя держать оборону и не уступать легионерам и генералу Жанену золотой запас. Требовалось дожидаться подхода армии генерала Каппеля, которая была вынуждена двигаться в пешем строю вдоль недоступной для них железной дороги по зимнику, тайге и руслам рек. Отставала армия всего-то на пару недель.

Но в ответ на предложение Колчака практически все из окружения и охраны покинули адмирала. Потеряв уверенность и оставшись только с горсткой преданных офицеров и казаков, Колчак был вынужден довериться легионерам и генералу Жанену. Союзники заверяли адмирала, что обеспечат безопасность передвижения через охваченное боевыми столкновениями Приангарье. Под охрану чехословацких легионеров передавалось теперь и золото.

Понимая, что утрачивается контроль над российским золотом, Колчак в последние дни перед отречением направляет в таможенную Владивостока указание о ревизии багажа выезжающих через порт чехов и словаков на предмет изъятия ценностей, захваченных в России. Приказ Колчака для таможи озлобил союзников, что практически предопределило судьбу адмирала. Этот неподъемный золотой запас империи, канувшей в небытие, похоже, тянул адмирала на дно, как тяжкий камень тянет утопленника, поскольку, даже потеряв власть, Колчак, следуя присяге, не складывал с себя ответственности за сохранность золотого запаса — достояния России.

Как только Колчак оказался в поезде практически под арестом, со стороны большевистского революционного комитета, претендующего на полную власть в Иркутске, поступило требование о выдаче адмирала и золотого запаса. В противном случае представители большевистской власти в городе грозились взорвать байкальские береговые тоннели и мосты.

В штабном вагоне генерал Морис Жанен и командир чехословацкого легиона генерал Ян Сыровы обсуждали варианты дальнейших действий, учитывая сложнейшую ситуацию с дорогой вдоль Байкала. Жанен информировал Сыровы:

— До нас дошла информация, что генерал Семёнов приказал приготовить вагон с взрывчаткой, который стоит на станции Половинка. При вагоне постоянно находится группа сапёров, и, как только поступит приказ, вагон загонят в тоннель и взорвут. В этом случае дорога будет перекрыта на очень длительный срок. Вот такие наши перспективы. С другой стороны, — продолжал Жанен, — большевики прочно держат власть в Слюдянке и Култуке. В этих пунктах у них крепкое подполье в железнодорожных депо. Власти надлежащей там нет, и никто не способен помешать большевикам сделать то же самое на южной оконечности Байкала в районе станции Ангасолка. Есть информация, что мост через речку и распадок у станции могут заминировать. По мнению наших специалистов, восстановить мост в этом месте быстро не удастся — распадок достаточно глубок. Смотрите, генерал, — Жанен развернул перед Сыровы карту Прибайкалья с черной линией Транссибирской магистрали, — дорога на расстоянии около ста километров очень уязвима: десятки тоннелей, мостов, скалы и практически полное отсутствие другой альтернативной дороги.

— Ситуация скверная. Что предлагаете, генерал? — отозвался генерал Сыровы, оглядев карту с железной дорогой вдоль Байкала и подробными сведениями о тоннелях.

— Наш план прибрать золото и выйти вместе с ним на восток, видимо, не состоялся: мы упустили время, а этому способствовал Колчак, — ответил Жанен, скривившись как от зубной боли, вспомнив последнюю встречу с адмиралом. — Колчак многое предопределил, долго задержавшись с отъездом из Омска. Я предлагал ему взять золото под свою, то есть нашу, охрану, когда ещё в октябре уезжал из города. Оставаться там было уже небезопасно. Но верховный отказался и был крайне решителен. Все мои доводы он исключил и даже высказался о том, что скорее передаст золото большевикам, чем нам, его союзникам. Я впервые от него слышал столь резкую брань в отношении союзнических сил. Назвал нас «дешёвой мыльной опереткой в стиле Мулен-Руж», — Жанен криво усмехнулся: — Теперь власть в Иркутске переходит в руки большевиков, и убедить их пропустить поезд с золотым запасом, конечно, невозможно. Нужно учитывать, что наиболее уязвимые участки дороги вдоль Байкала ими прочно контролируются.

— Похоже, Колчак вел дело именно к этому, учитывая его позицию ещё в Омске, — высказался Сыровы и подумал, что Колчак прав про театр, если учитывать, что многие в этом представлении играют часто не свои роли, а реплики их сплошь фальшивы.

— Я этого не то что не допускаю, а не могу понять. Ведь в этом случае Колчак обречен. Теперь он не сможет вырваться, и мы будем вынуждены его выдать. В противном случае железная дорога для нас будет закрыта.

— Насколько я знаю, адмиралу были даны заверения союзников о его безопасности, и нам следует подумать о сохранении лица.

— *A la guerre comme, a la guerre...* На войне, как на войне — так, кажется, будет

по-русски, — прикуривая сигару и пуская дым, ответил Жанен. — Приходится чем-то жертвовать, чтобы добиться генеральной победы или, по крайней мере, выйти сухими из этого болота. И потом, насколько теперь сам Колчак нужен нам как политическая фигура? Золотой запас практически в руках большевиков, каких-либо уступок по территориям он нам не подтвердил. И какова цена этих уступок, когда его Сибирская армия бежит на восток со скоростью напуганного, израненного оленя.

— Да, вы правы, генерал, нам остается или передавать Колчака советам, или вступать в бой с большевиками и потерять на время железную дорогу. Ведь генерал Каппель со своей армией на подходе. Он наверняка возьмет Иркутск, а с его помощью мы пробьемся на восток, — продолжал размышлять Сыровы о вариантах решения проблемы.

— Вы ошалели, Сыровы? — гневно отмел последний вариант Жанен. — Я вам твержу, что тоннели у Байкала и мосты заминированы. Или вы хотите провернуть войсковую операцию и захватить все тоннели и мосты раньше, чем они превратятся в груды камней? Посмотрите, — Жанен ткнул пальцем в карту, — их там десятки, а вся дорога протяженностью в сто километров идет вдоль скал, которые можно просто обрушить нам на головы умелым взрывом.

— Да, я понимаю, наши возможности в противостоянии крайне ограничены, — сжав губы, согласился Сыровы. — Кстати, о Каппеле. Этот идеалист прислал мне депешу с вызовом на дуэль! Каково? Это он в отместку за задержку поезда Колчака в Нижнеудинске. Узнаю Каппеля. Человеку под сорок, а он еще полон благородных юношеских порывов. Смешно.

Жанен, потягивая сигару, задумался, очевидно, что-то припомнив:

— Странные они, эти русские офицеры старой закалки. В них столько чести и колкости, что из них можно плести бесконечной длины колючую проволоку. Вот новая формация офицеров, что пришли уже после войны в армию, намного практичнее и все сплошь циники.

— Так и есть, генерал, а еще пьянь несусветная. Этих можно купить за ломаный полтинник или за литр хорошего коньяка.

— Так что? Решено? Колчака сдаем Политцентру в обмен на гарантии нашего беспрепятственного прохода по железной дороге? — стал подводить итог разговора Жанен.

— Да. Я думаю, это единственный для нас приемлемый вариант.

Так свершилось предательство союзников.

Двадцать первого января эсеро-меньшевистский Политцентр в Иркутске прекратил свое существование, а власть в городе полностью перешла в руки Иркутского военно-революционного комитета большевиков. В начале февраля председатель Иркутского ревкома Ширямов подписал с чехословацкими легионерами соглашение о беспрепятственном движении поездов через Иркутск и по Кругобайкальской железной дороге. Золотой запас был отправлен под охрану большевистского конвоя после ареста адмирала, и хотя бы в этой части намерения Колчака сбылись. Возможно, в этом и был смысл жертвы адмирала Колчака — исключить разграбление золотого запаса России союзниками и передать его тем, кто входил в историю основательно и надолго.

Тридцатого января армия Каппеля разбила высланные навстречу красные отряды у станции Зима и, двигаясь на Иркутск, с ходу взяла Черемхово. Через неделю Сибирская армия вошла в пригород Иркутска. Генерал Войцеховский выдвинул оборонявшим город ультиматум с требованием освободить адмирала и арестованных с ним лиц, предоставить фураж и выплатить контрибуцию, обещая обойти в этом случае город стороной.

В эти зимние беспокойные дни, когда Сибирская армия уже толкалась на окраинах Иркутска, в тюрьме состоялся последний допрос адмирала Колчака, а вечером было принято поспешное постановление Иркутского военно-революционного комитета о его расстреле. Из Москвы от Ленина как отклик на известие о задержании Колчака пришла директива с зашифрованной подписью и с характерным стилем Ильича о необходимости сделать все *«архинадёжно... при угрозе Каппеля»*.

Одним из скрытых мотивов советских руководителей в Москве было желание уничтожить, может быть, одного из главных свидетелей страшного убийства царской семьи в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге. Ведь именно Колчак приказал создать следственную группу и в январе 1919 года возложил на генерала Дитерихса общее руководство по расследованию дела об убийстве семьи бывшего императора Николая Романова: *«Настоящим повелеваю всем местам и лицам исполнять беспрекословно и точно все законные требования судебного следователя по особо важным делам Н.А. Соколова и оказывать ему содействие при выполнении возложенных на него, по моей воле, обязанностей по производству предварительных следствий об убийстве»*.

бывшего Императора, его семьи и Великих Князей».

На основании проведенного длительного и тщательного расследования Соколовым был составлен отчет, в котором убедительно было доказано, что императорская семья убита, трупы расчленены и сожжены, а обезображенные серной кислотой останки частью брошены в шахту, а частью погребены в полотне дороги. Выходило, что злодеяние было совершено не единожды, а как бы четырежды, и если математические вычисления способны оценить степень жестокости содеянного, то знак сложения лишь отчасти способен отразить точную оценку.

III

В то время, когда армия, ведомая Каппелем, овладела Канском, поезд с Колчаком прибыл в пригород Иркутска на станцию Иннокентьевскую, вкатываясь медленно на заснеженный перрон. Вагон, в котором находился Колчак с Анной Тимиревой, Пепеляев и их ближайшие помощники, следовал в середине состава и охранялся тщательно: внутри вагона и на площадках дежурили вооруженные чехословацкие legionеры в длинных овчинных шубах до пят. На поезде были вывешены флаги Франции, Великобритании, США, Японии, извещавшие о дипломатическом статусе поезда.

На станции поезд уже ждал конвой рабоче-крестьянских дружин, направленных Политцентром. В вагон к Колчаку поднялись чешский офицер и представитель Политцентра Нестеров с вооруженными солдатами. В купе, в котором находились адмирал Колчак, группа офицеров и штатских, чешский офицер на русском языке, но с сильным акцентом объявил Колчаку, что получил приказ генерала Жанена передать адмирала и его штаб местным властям. Офицеры и штатские испуганно переглядывались, ожидая реакции адмирала, явно не готовые противостоять legionерам. Колчак продолжал сидеть молча на диване, закинув ногу на ногу в начищенных до блеска сапогах, и сосредоточенно выкуривал папиросу.

— Господин адмирал, — нарушил затянувшееся молчание чешский офицер, — приготовьте ваши вещи. Сейчас состоится ваша передача местным властям.

После этих слов Колчак вскочил с горящими глазами и выкрикнул с отчаянием в голосе:

— Как! Неужели союзники выдают меня? Это предательство! Так вот какова цена гарантий, данных мне Жаненом!

Чешский офицер промолчал и отвернулся, глядя в окно, за которым стояло плотное оцепление. Адмирал стал нервно и суетливо одеваться.

— Вам тоже следует пройти с нами, — продолжил уже Нестеров, обратившись к Пепеляеву. Пепеляев побледнел и также стал одеваться, натягивая непослушную, жаркую свою шубу, суетясь и испуганно оглядываясь вокруг.

Арестованных вывели из вагона, плотно окружив конвоем. Присутствовавшие на вокзале японцы молчаливо наблюдали сцену передачи адмирала. Очевидно, они не были осведомлены Жаненом о заключенной между чехословацкими legionерами и большевиками сделке, а узнав о ней, серьезно воспротивились, приняв как оскорбление возможные пересуды о неисполнении союзнических обязательств. Всё же такие непопулярные в наступившем веке понятия, как долг и честь, для японцев ещё имели смысл и значимость. Разобравшись в ситуации, командир батальона полковник Фукуда передал предложение командующему чехословацким legionоном от командования японских сил взять адмирала под свою охрану и произвести его перевозку на восток.

— Генерал, как вы не понимаете, что мы потеряем лицо, если адмирала казнят большевики! Скоро большевики придут к власти, они не станут церемониться и казнят Колчака. Мы не должны этого допустить! Для этого у нас есть достаточно сил, — убеждал генерала Сыровы, командующего чехословацким корпусом, полковник Фукуда.

— Успокойтесь уже, полковник. Дело сделано, мы передаем Колчака Политцентру, а не большевикам, и данное решение согласовано между союзниками, — ответил Сыровы и подумал: какова невидаль — отказаться от данного слова, когда ты в чужой, дикой, разоренной стране и отвечаешь за тысячи жизней своих соотечественников.

Фукуда скривился, услышав ответ, но вынужден был согласиться, подумав, что это решение не затрагивает японские интересы, а без золота и армии Колчак теперь мало кому будет полезен.

Адмирала Колчака через час поместили в одиночную камеру иркутской тюрьмы, спешно под прикрытием переправив через реку по понтонному мосту в крытой повозке. В тюрьме потянулись дни, заполненные пребыванием в холодной камере, кратковременными прогулками во дворе и допросами, которые могли длиться по два-три часа. Во время допроса Колчак сидел на намертво привинченном к полу табурете

и мог курить. В помещении было холодно, и ему разрешали накинуть на плечи шинель.

— Надеюсь, на питание жалоб нет? Сами понимаете, военное положение, разносолов особых не имеется, — иронизировал следователь.

Начиная с третьего февраля, прогулки во дворе тюрьмы были запрещены. Александр Васильевич с Анной Васильевной стали обмениваться записками, передавая через охранников, одаривая тех какими-то вещами или оставшимися на руках деньгами.

Последний допрос состоялся вечером шестого февраля. Представители следственной комиссии спешили и были на взводе. Среди представителей власти, следователей чувствовалась крайняя нервозность. Суетились и покрикивали излишне конвойные. Общая нервная обстановка передалась и заключённым. Все понимали, что наступил тот момент, когда должно решиться и состояться всё то, что объективно продиктовано временем и ситуацией.

Нервничал и Колчак, понимая, что близится развязка драмы и ультиматум, который поставил генерал Войцеховский, вступив на территорию пригорода Иркутска со стороны станции Иннокентьевской, только ускорит расправу. Колчак делал всё, чтобы на допросе ни единым словом не навлек гнева комиссии и не дать материала для обвинения других лиц и особенно Анны Васильевны. Держался на допросах Колчак достойно. Подробно отвечая на поставленные вопросы, не скатывался до оправданий, говорил уверенно и спокойно. Это несколько бесило комиссию: все ждали покаяния и просьбы, но этого не последовало, и, по сути, предъявить арестанту страшных обвинений не вышло.

— Неловко получается: мы должны его казнить, а предварительно даже не выяснили до конца, в чем его вина. И по-прежнему нет подписанного постановления от ревкома о расстреле, — вдруг высказался Чудновский.

— Не бери в голову. Какая ерунда. Полагаю, его вина уже в том, что он офицер и дворянских кровей — белая кость, что теперь нам поперек горла, — скривившись, ответил Борис Блатлиндер (псевдоним — Иван Бурсак).

— Да? Ты так считаешь? Хорошо. А вот ты, то ли Борис, то ли Иван, к какому словию относишься? К какой такой вере себя причисляешь? К православной, католической?

— К революционной, — надменно ответил Блатлиндер и вспомнил своего батюшку, который в канун Рождества по католическому календарю много говорил о светлом дне и попусту пытался учить сына правилам благочестия. «А ревком тянет — знать, бояться подписывать постановление о расстреле, когда Капшель уже в городе», — подумал Блатлиндер.

Адмирал сидел у стола в накинутой на плечи шинели и что-то писал на четвертинке листа белой бумаги, когда лязгнул затвор замка, заскрипели тяжёлые петли кованой двери. В проёме на пороге камеры выросли фигуры людей в разномастных одеждах и два конвойных в глубине коридора с винтовками с тускло отсвечивающими штыками. Председатель Иркутской чрезвычайной комиссии Самуил Чудновский и комендант Иркутска Борис Блатлиндер с сопровождающим их начальником тюрьмы шагнули в камеру, конвойные остались у дверей.

— Господин Колчак, именем революции вы приговорены к смертной казни через расстреляние... — произнес придуманный им приговор Чудновский.

Колчак встал, лицо его стало ещё более бледным, но взгляд спокойным и сосредоточенным:

— Как, без суда?

Блатлиндер вдруг нервически рассмеялся, прикрыв лицо, щербатый рот и гримасу улыбки на лице ладонью, вспомнив разговор с Чудновским. Чудновский молчал, понимая смятение человека, которому сообщают о его близкой смерти. Тем не менее, председатель чрезвычайной комиссии отметил отменную выдержку адмирала и то, как он изменился за последние дни: волосы были совершенно белыми, лицо осунулось и приобрело черты мученические, но просветлённые.

— Прошу передать это письмо Анне Васильевне Тимиревой. Это моя последняя просьба — прошу исполнить, — Колчак протянул свёрнутую в четверть записку, застегнул шинель, взял в руки фуражку и передал Чудновскому что-то ещё, завернутое в белоснежный платок: — Это яд. Я не стал убивать себя, во избежание проблем для других арестованных. Заберите. Надеюсь, это как-то поможет Анне Васильевне избежать страшной участи. Поймите, она просто служила при штабе переводчиком. Ее не за что судить и тем более держать в тюрьме, — Чудновский молча взял протянутый платок с ампулой и вручил Блатлинтеру. — Ещё попрошу, передайте мое благословение жене Софье Федоровне и сыну Ростиславу. Я им долго не писал, не было okazji, но прошу передать мои слова, — вновь обратился к Чудновскому Колчак.

— Идёмте, господин Колчак, пора, — ответил Чудновский и сделал ударение на слове «господин», прямо не ответив адмиралу на его просьбу.

Во дворе тюрьмы к Колчаку подвели Пепеляева. Тот был тепло одет в шубу и натянутую до глаз шапку, отороченную мехом.

— Александр Васильевич, что это творится? Они нас без суда хотят убить? Может, им что-то нужно от вас? Так вы им дайте, объясните... — зашептал Пепеляев в отчаянии.

— Это конец, Владимир Николаевич! Помните, что они сделали с императором и его семьей? Они убили их ночью без всякого суда, а тела облили кислотой. Мужайтесь, нам уготована такая же участь. Скоро всё закончится.

Окружив плотно конвоем, в сопровождении санок, запряженных кобылкой, Колчака и Пепеляева глухими дворами повели к Знаменскому монастырю. Монастырская колокольня выделялась среди убогих строений Рабочего предместья белизной стен и золотом куполов в заиндевелом обрамлении узорного карниза. «К реке ведут, — подумал Колчак, — что же, место хорошее, красивое, рядом с храмом».

Обойдя монастырь с тыльной стороны вдоль стен по проулку, вышли на лёд реки по крутому спуску. Светила полная луна, и здесь, на льду под белым снегом, на просторе русла реки, было светло и невероятно торжественно. Кто-то из конвойных не устоял на склоне к реке, заскользил, громко и некрасиво упал, крепко ударившись о свою же винтовку. Шапка упавшего покатила вниз по дороге и опрокинулась дном вверх, словно прося милостыню. Чудновский чертыхнулся на нескладного паренька, и тот вскочил с лицом, перекошенным от испуга, и стал неистово отряхиваться, неумело держа винтовку с грозным штыком, почему-то прижимая её неловко локтем к телу.

Колчака и угнетенного, втянувшего голову в туловище Пепеляева, что-то непрерывно бормочущего, видимо, молитву, провели вдоль берега реки по льду и поставили спиной к крутому берегу, совсем почти без снега, с кустами и высокой сухой травой.

— Скиньте шинель и шубу, — скомандовал Чудновский.

Колчак снял спокойно свою шинель и аккуратно положил в сторонке от себя. Пепеляев снимать шубу не стал, засуетился и только расстегнул её. Один из конвойных, отправленный кивком головы Чудновского, неуверенно оглядываясь, подошёл к министру и взялся стягивать шубу с ооченевшего от страха Пепеляева.

Колчак стоял бледный, но внешне спокойный: снял с головы свою армейскую фуражку и держал её теперь на сгибе руки, удерживая за козырек. Короткие его седые волосы трепал ветер, а редкие снежинки в полной тишине, изредка нарушаемой лаем собак, ложились на голову. На груди Колчака слева у сердца тускло светился Георгиевский крест, которым он гордился более, чем другими своими наградами, и всегда носил, перевешивая с одного кителя на другой, если приходилось переодеваться.

— Готовсь к стрельбе! — резко раздалось в тишине глубокой предутренней ночи.

Конвойные нестройно вытянулись, выровняв строй, подобрались и вскинули винтовки. Штыки на стволах тускло отсвечивали. «Не чистят ружей, — пронеслась мысль в голове Колчака, — нет должного порядка».

Чудновский стоял уже с поднятой рукой и скомандовал, резко опустив ее:

— Пли!

Грянул нестройно залп, пороховые газы окутали строй, запахло жжёным порохом. В ближних дворах заскулили и отозвались сдержанным лаем псы.

Колчак отшатнулся от удара пуль, но не упал сразу, а несколько постоял, покачавшись на подогнувшихся, ослабевших враз ногах, завалился боком на склон берега и лежал, раскинув руки.

Пепеляев вскрикнул звонко, некрасиво и свернулся, скорчившись от боли на льду.

Колчак застонал и приподнял, как в знамении, правую руку.

— Добей, — скомандовал Чудновский стоящему рядом пареньку, что некрасиво упал на спуске, поскользнувшись.

Паренек закрутил головой и ринулся, вновь скользя по льду, к Колчаку, вскинул винтовку и вонзил штык в грудь адмирала. Тот словно выдохнул и затих.

— Я, бляха, целил в крест ордена, да не попал, — вырвалось у конвойного, добившего Колчака. Лицо его выражало недоумение и расплылось в глупой улыбке.

— Тварь, — процедил Чудновский, и было до конца неясно, к кому обращено это определение — к конвойному или к убитому адмиралу.

Тела адмирала и Пепеляева подняли и уложили в санки.

— Где, ты говорил, видел прорубь? — обратился к Блатлиндеру Чудновский.

— Так вот там, ближе к монастырю.

— Так это что? Иордань? — и, уже тише, добавил: — Мать вашу... как святого, хоронить придется.

— Не знаю, — стушевался Блатлиндер, — я ж не верую.

Подвели тела к проруби. Вырубленная на крещенские морозы иордань была затянута тонким белёсым ледком, более крепким к краю проруби: форма иордани уже мало напоминала крест.

— Ладно, опускайте скорее, а то уж скоро люди по реке побегут по делам, — командовал Чудновский и смотрел, как тело Колчака, опущенное в воду, продавило лёд и теперь лежало на поверхности с раскинутыми руками.

Лицо адмирала было спокойным, а глаза смотрели ввысь, в безмятежную глубину бездонного неба с яркими в этот предутренний час звездами. Мириады звезд мироздания смотрели на очередную жестокость тех, кто оккупировал одну из них.

Сыпал редкий снег. Тело тонуло медленно.

— Толкните его под лёд, — приказал Чудновский, отчего-то забеспокоившись, что упрямый верховный может и не утонуть.

Конвойный ткнул в тело адмирала штыком и с усилием стал толкать его в глубину и под край льда иордани. Тело плохо поддавалось, и пришлось уже второму, с опаской подошедшему к проруби, ему подсобить.

— По течению реки толкайте, а не против, — подсказал кто-то из конвойных и кинулся тоже помогать.

Они справились. Тело адмирала ушло на глубину и занырнуло под лёд. Последнее, что они видели, это кованые подошвы добротных хромовых сапог.

— Вот трешкин кот, сапоги-то хорошие, нужно было снять, — высказался один из конвойных и тут же примолк, ощутив ненужность сказанного.

Чудновский полез в карман полушубка за папиросами и нащупал бумажку — записку Колчака Анне Тимирёвой. Было так светло, что можно было прочесть:

«Дорогая голубка моя, я получил твою записку, спасибо за твою ласку и заботы обо мне... Не беспокойся обо мне. Я чувствую себя лучше, мои простуды проходят. Думаю, что перевод в другую камеру невозможен. Я думаю только о тебе и твоей участи... О себе не беспокоюсь — всё известно заранее. За каждым моим шагом следят, и мне очень трудно писать... Пиши мне. Твои записки — единственная радость, какую я могу иметь. Я молюсь за тебя и преклоняюсь перед твоим самопожертвованием. Милая, обожаемая моя, не беспокойся за меня и сохрани себя. Гайду я простил. До свидания, целую твои руки. А.В. Колчак»

В сердце защемило, и от пролетарского гнева не осталось и следа.

Странна человеческая натура. Ещё более она странна у людей неординарных. Вот так, шагая на эшафот, оставляя всё за чертой жизни и смерти, не оставил без внимания Колчак предателя Гайду, которого простил, чтобы груз гнева и обиды не томил сердце перед окончанием своего земного пути.

Генерал Радола Гайда (настоящее имя Рудольф Гейдель) — личность странная, неординарная, авантюрная. Иностранец, сделавший карьеру от должности полевого санитаря в 1915 году до командующего корпусом чехословацких войск в 1918 году и командующего Сибирской армии Колчака. Вероятно, Гайда произвел впечатление своими смелыми планами и энергией на Колчака, который посчитал Гайду другом. Многие современники, тем не менее, отмечают авантюризм чеха, его способность производить впечатление на людей и опытных, и умных, если это ему было нужно. Так вот и Колчак обманулся в отношении этого человека, что, в общем-то, порой свойственно людям сильного духа — видеть окружение единым, движимым благородными мотивами, а не личностными устремлениями, порой низкими. В этом случае сильные, благородные люди, наделённые великодушием, проецируют во многом свои качества на людей близких и симпатичных им.

Через полгода сущность личности Гайды проявляется в полной мере, и между прямым и строгим адмиралом и его командующим возникают противоречия: Гайда отказывается выполнять приказы Колчака, что обернулось началом крушения всего Восточного фронта. В июле 1919 года Гайда был отстранен Колчаком от командования, а позже после короткого расследования уволен из армии, лишён наград и генеральского чина: генералом русской армии Гайда прослужил всего полгода. Но Гайду Колчак пощадил, ибо за неисполнение приказа, тем более приведшего к военной катастрофе, в любой армии мира полагается трибунал и, как правило, расстрел, но Колчак избыточно великодушен, и отстранённому от армии Гайде в августе выписывает денежное пособие в размере 70 тысяч франков, и разжалованный командующий оказывается во Владивостоке, а уже в ноябре 1919 года возглавляет мятеж против колчаковской власти, подготовленный эсерами и меньшевиками. Бунт был подавлен, его жертвы захоронены, но Гайда вновь оказался на свободе и отбыл из России. В этом ему помог небезызвестный генерал Розанов, давний противник Колчака, назначенный им же губернатором Приамурского края после скандалов и крайних жестокостей в Енисейской губернии.

В последней фразе в записке Колчака нашло отражение его глубоко христианское великодушие и полное отсутствие качеств диктатора с привилегией вершить судьбы людей. Также оказались очевидными такие качества, как наивность и доверчивость, слабое знание сущности людей низких, авантюристов, вера в то, что все его

сослуживцы, принявшие присягу, как и он сам, думают только о выполнении долга, а не о личной выгоде. Качества, прямо скажем, более присущие спаянным тесным корабельным пространствам морякам, нежели группе разномастных проходимцев, всегда лепящихся к власти в ситуации смуты в надежде пожить.

По весне у станции Иннокентьевской под Иркутском после схода льда у берега нашли тело, обезображенное долгим пребыванием в воде, в военной генеральской форме. Провели расследование и решили, что, видимо, это тело адмирала Колчака. Где-то в окрестностях Иркутска в строгой секретности под надзором Иркутского ВЧК найденное тело захоронили, а место захоронения строго засекретили.

IV

После Нижнеудинска вел армию генерал Войцеховский: Капшель скончался на марше. Тело своего воинского начальника преданные офицеры и солдаты не бросили, не захоронили спешно, а везли с собой долгие две тысячи верст и предали земле только в Чите, после броска через Байкал и леса Забайкалья. Но в Чите, через полгода, как только пришло время покинуть и этот город под натиском красных войск, тело генерала не оставили на поругание. Могилу раскопали, и гроб с телом доставили в Харбин, где вновь захоронили с воинскими почестями. И это был не последний путь воина: тело генерала уже в наши дни обрело покой на родине, на кладбище Донского монастыря в Москве.

До Иркутска войска под командованием генерала Войцеховского добрались в ночь, когда были расстреляны Колчак и Пепеляев. Наутро весть о гибели адмирала уже прошла в войска, и главный мотив атаковать и захватить город отпадал. Иркутск можно было взять с любой стороны, но на совещании начальник Воткинской дивизии генерал Молчанов заявил:

— Войти в город, разумеется, мы войдем, а вот выйдем ли из него — большой вопрос. Начнутся погром и грабеж, и мы потеряем последнюю власть над солдатом.

Это мнение было решающим, и в ночь с седьмого на восьмое февраля войска под руководством генерала Войцеховского и с телом покойного генерала Капшеля в обозе обошли город с юго-западной стороны и вышли к Ангаре. Красные, как бы в насмешку, послали вдогонку несколько артиллерийских выстрелов, и тем дело кончилось.

Шли сутки мимо деревни Тальцы, что разместилась на берегу Ангары в сорока верстах от Иркутска, воинские отряды и беженцы, и казалось, не было им числа. Шли то густо, сбившись и перемешавшись, воинские с гражданскими, то вдруг четко проходил эскадрон казаков, то воинский обоз с ящиками и пулеметами.

Брели мимо деревни по льду Ангары солдаты, беженцы, проезжали белоказачки на усталых конях. Бежали в страхе перед строгостями новой власти побитые уже и смертельно усталые люди: направлялись на восток через лед Байкала в Бурятию, в Забайкалье и далее в Китай и Монголию. Шли пешими, мерзли на санках, ехали верхами вдоль деревни от Иркутска в сторону Байкала многие тысячи военных и гражданских. Шли сутки напролет, и даже на другой день отдельные группы беженцев еще проходили мимо села, растянувшись по дороге-зимнику и по льду реки. Были среди них и женщины, и дети, и молодые люди в студенческих шинелишках, в нелепых на морозе фуражках с черными бархатными наушниками, взрослые дородные мужчины в дорогах пальто и шубах. Лица безавших мало что выражали от усталости и истощения — столько им пришлось уже пережить, и только в глазах можно было прочесть недоумение: за что так с нами? На каждом путнике можно было отметить печать глубокой горечи и безысходности: снялись с насиженных мест еще по осени в спешке по первому морозцу под артиллерийскую канонаду и теперь безуспешно искали пристанища.

Мироздание испытывает людей, не считаясь с тяготами, которые они несут, и предлагает всем, кто встал на путь перемен, новый, а порой еще и более тяжкий режим выживания.

Зимняя дорога по мощному льду реки была основательно набита тысячами ног и копыт, но поднявшийся ветер разгонял поземку, переметал путь непрерывно, маскируя ориентиры. Группа отступающих в отчаянии, поотстав от основной массы войск и беженцев, в сумерках надвигающейся ночи сбилась с пути и угодила в зазор у скалы Тальцинской. Скала эта высилась справа на противоположном берегу от деревни и была подобна очертаниями профилю пытающегося взлететь ворона.

Место это имело дурную славу и в народе издавна было приметой беды. Много рыбаков погибло в водоворотах у скалы. Сельчане знали, что сближаться с утесом было смертельно опасно: лодки тянула к каменной тверди неведомая сила, а если зазевался, упустил момент, когда нужно грести изо всех сил от скалы к центру реки, то скоро лодку влекло к стенке скалистого берега. У самой скалы, нависающей над

водой карнизом, водоворот переворачивал суденышко, и рыбаки оказывались в воде. Выбраться на берег не было возможности, а выплыть из губительной воронки мало кому удавалось. Утопленников находили редко — все забирала неистовая сила реки.

Когда взялись строить железную дорогу по левому берегу Ангары, пришлось проходчикам пробить скалу, и тут-то выяснилось, что в глубине скального массива имеются обширные карсты и трещины. Река, овладев подземными пустотами, образует неистовое подводное течение, которое уходит в глубину и неведомо где заканчивается. Именно это объяснило, отчего затягивало в провал и людей, и плывущие в половодье деревья, мусор. Стали понятны причины, но проклятия скалы это не отменило.

Зимой близ страшной скалы в образе рвущейся ввысь птицы всегда образуется зажор и наледь от беснующейся речной воды. Лед в зажоре тонок, как слюда, и присыпан снежком, так что не видно совсем гибельное место, особо на закате и в сумерках.

Потрепанный в боях отряд казаков поспешал на усталых конях: подремывали в седлах замерзшие, усталые, все в инее и снегу бойцы и сбились с пути — взяли правее основной набитой уже тысячами ног ледяной дороги и с ходу влетели в зажор. Ухнули в стылую воду сразу передние ряды скачущих, за ними остальные, не успев очнуться от дремы, понять реалии грянувшей трагедии, и только последние, запоздавшие успели спохватиться, придержать коней и отвернуть, уйти в сторонку на прочный лед.

Довелось спасшимся казакам видеть, как погибали их боевые товарищи, но не на минах в Галиции, не в стремительной атаке лавой на редуты германцев сквозь свинцовый град, а уходили под лед на своей реке, вопя в отчаянии и матерясь. Лошади, ухнув под лед, голосили, протестуя. Длилось дело недолго — уже через пару минут полынья была чиста, наполнена стремительным потоком и только парила, поглотив живые души рабов божьих.

Бежали деревенские пацаны смотреть на гибельное место. А что там увидишь? Кипит вода в огромной промоине и следов почти никаких не оставила — утянула в глубину всех, кто не уберется. Всех собрала и еще соберет новую жатву жизней человеческих. Но мало кто уже удивлялся гибели людей: не казалась теперь, в это лихое гибельное время, человеческая жизнь ценной. Какая тут цена — так, полущка с утра, а к вечеру и на стопку цена не набиралась.

Как-то к вечеру, к сумеркам, нагрянули в деревню казаки на конях с заиндевелыми мордами — знать, шибко скакали — и зло отхлестали нагайками старосту, видимо, в отместку и от бессилия что-то изменить, вымещая свое отчаяние за погибших у дурной скалы казаков. Нагайками исхлестали — так хоть не повесили. И тут же, поспешая, ускакали по зимней дороге, чертыхаясь.

А чем виноват перед казаками староста, по сути, так и не объяснилось. Но крайний должен быть, вот его и назначили. А вот в Листвянке, что уже на берегу Байкала, мужика повесили. Сказывали, позвали дядьку местного бывалого дорогу показать через Байкал, а тот не просто отказался, а повел себя дерзко — послал ожесточившихся в отступе солдат по непотребному адресу. Казаки в гневе за подлое равнодушие к судьбе российского воинства и беженцев тут же нашли вожжи во дворе и повесили бедолагу у дороги на кряжистой сосенке. Повесили в отместку и назидание у родной избы на ремнях, которыми долгие годы правил своим конем повешенный.

Когда война лютует, жизнь человеческая истончается до полущки.

Много смертей и покойников видели жители деревни Тальцы в эти февральские дни. Не раз мальчишки наблюдали, как отворачивали с пути, от основного потока беженцев санки и направлялись к кладбищу, и скоро уже от дома старосты подходили деревенские и священник. Тела, завернутые в саван, укладывали на другие возки, и, чадя кадиллом, священник под рыдания близких отпевал умерших. Санки с телами отправляли потом к сараю на территории церкви, а священник, приняв скорбный дар, успокаивал родных, заверяя, что все сделают как положено, когда земля оттает.

— А когда, батюшка? — запричитала заплаканная барышня в шубке, утирая слезы черным платочком, приподняв черную же вуаль под мятой истерзанной в дороге меховой шапкой.

— Уже в марте-апреле, милая. Предадут земле рабов божьих на сельском кладбище и справят молитву за упокой, а имена непременно укажут на крестах и метки в церковную летопись внесут.

Да, в феврале земляца изрядно промерзала, и для тех, кто почил в эту пору, готовили могилку загодя: приходилось прогревать землю кострами и тлеющим под листом железа углем сутки, не менее. А наспех схоронить зимой не выходило. А если не удавалось предать земле, как полагалось, на третий день от кончины, то оставляли в селах по пути беженцы своих покойников, спеша за колонной отступающих, ибо отстать, казалось, было смерти подобно. А оставляя покойников, надеялись вернуться, а возвратившись, знать, где захоронен родимый человек, праху которого можно было бы поклониться.

Мальчишки знали, что в сарае при церкви уже забиты полки телами умерших из числа беженцев. Сказывали, обсуждая, что по весне потребуются землекопы, а еще гробы и гробики да кресты значительным числом.

А сколько было и таких, кто пал на тяжком пути, кого и прибрать было некому. Многие от усталости и хвори садились на снег у древесного ствола, столба ли придорожного и засыпали вечным сном. Кто вспомнит о них, как лихолетье пройдет?

Силантий, сосед Астаховых, рассказывал, что не всех вот так оставляют на погребение. Везут, сказывали, тело важного генерала с собой солдаты аж от самого Нижнеудинска — это уже почитай пятьсот верст. Везут не просто так — берегут: ни в прорубь его не опускают, ни в землю не кладут. Желают отслужить молебен как должно и с воинскими почестями схоронить, чтобы красные не поглумились над телом дорогого им командира. А фамилия генерала нерусская — Каппель, но, видимо, герой и любили его российские солдаты за смелость и доброе к ним отношение.

— Вот ведь как бывает! Даром что генерал, а народ его признал! — подивился Силантий, сам в прошлом солдат — с японской вернулся инвалидом. Оценив интерес слушателей, Силантий достал самосад и взялся крутить сигарку, продолжив рассуждать: — Значит, дело не в генеральском сословии, а в человеческой его натуре. И революция эта — пустая затея. Людей надобно правильных и верных на власть ставить. И вся недолга! Тогда и государство будет расти, и народ безбедно плодиться! Вот Александр Третий, смотри, железную дорогу через всю Сибирь до моря отстроил, ни с кем не воевал, народу давал дышать. Опять же Сибирь взялся заселять людьми из мест, где густо с народцем-то русским, а землицы не достает. Давеча был в Иркутске: вокзал-то какой отстроили! Любо-дорого-богато! А еще сказывали, что и в Слюдянке вокзал из мрамора белого подняли — красота! Такого вот правителя иметь — без бед можно жить. Не зря ж ему памятник в Иркутске большой, сурьезный поставили.

— Ой, Сила, мелешь! Большаки уж снесли сей монумент и, говорят, закопали в чаще лесной, чтоб никто не нашел. Знать, поперек горла встал им царь-батюшка Миротворец, — с недоверием к сказанному вставил слово вьедливый Кондратий с дальней улицы, поглядывая с прищуром через махорочный дым на беседующих.

— Пряма ты Цицерон! Все знашь!

— Че, это ты меня обозвал цикатухой какой, что ли?

— Ой, уймись! Откуда знашь-то про генерала? — с раздражением высказался и Мартын Астахов и зыркнул на Кондратия, чтобы тот угомонился.

— Дак под вечер к кузне подъехало на конях до десятка казаков, многие в чинах. Даже генерал был среди них в очечках, а с ними санки с гробом. Домовина укрыта рогожкой и флагом российским. Давай офицера пытать кузнеца Ивана Стрельцова, чтобы починил санки: что-то там надломилось в крепеже. Так пока чинили, я с казаками выкурил сигарку, да и потолковал. Так мне порассказали много чего служивые. Правда, и табачок почти весь из меня вытянули.

— И что тебе старому они порассказали-то?

— Генерал Каппель, главный у них командир, провалился под лед на реке, когда в отступе шли от Красноярска, да ноги-то и обморозил — пришлось обрезать: гангрена пошла, а проще сказать — гнить зачинает тело, — Силантий хлопнул по деревянной культе вместо ноги, потерянной под Муқденом: — Я-то знаю, каково это попасть под нож эскулапа-изверга в полевом-то лазарете, когда пилой наживую режут плоть. Эта мука такова, что сам просишься побыстрее помереть, чтобы хоть так от боли адовой избавиться. Многие солдатики только от вида этакой операции падали без чувства. Налезался я в лазарете... такого братцы насмотрелся, — голос у Силантия дрогнул, и было заметно, что не забыл по прошествии полутора десятка лет и теперь уж точно не забудет тот страх и ту боль, пережитые на чужбине.

— Так че там с генералом-то? — поторопил снова Силантия Мартын.

— Помер генерал от ран и гангрены, после того как ног лишился, но до последнего вел и командовал войском. А генерал был боевой, дело знал и солдат берег — делил с ними невзгоду. Вот везут тело с большим почтением, чтобы достойно отпеть героя в церкви и схоронить достойного воина земли русской, — включив возвышенный пафос, задрал голову, словно собирался затянуть песню, Силантий всхлипнул, расчувствовавшись. Отметив, что его слушают с вниманием, старый солдат, успокоившись, продолжил: — А еще сказывали сельские, что так вот идут по тайге и льдам рек уже с самой осени многие тысячи верст от самого Омска, а главного у них — Колчака — расстреляли в Иркутске, и что на этом власть царя закончилась теперь окончательно.

— А как так его расстреляли? А солдаты, казаки чего не вступились-то? Вон их сколько! Армия! — встрял в разговор опять Кондратий.

— Сказывают, ехал Колчак барином в поезде в теплом вагоне с полюбовницей и вез золота немерено. Хотел видать сбежать с золотом в Америку, да попался. Тут-то его и прихлопнули.

— Не, Силантьюшка! — возразил Кондратий. — Свояк сказывал, когда на базар я ездил в город, что утопили его живого в проруби у Знаменского монастыря. Да не одного, а еще народ с ним был. Так всех гурьбой и спустили в реку, а сверху прикладами — так и забили вусмерть.

V

Отряд поручика Николаева, потрепанный в боях за город — и люди, и лошади были измочалены: шли вторые сутки, после того как отошли от Иркутска. Двигались без остановки в сторону Байкала ордонскими степями, чтобы уйти через лед озера в Забайкалье на соединение с основными силами отступающей армии, ведомой генералом Войцеховским после нелепой, полной трагизма и мужества смерти генерала Капеля.

Белые войска, вынужденные пробиваться через заснеженную сибирскую тайгу, спешили освободить арестованного и пребывающего в тюрьме Иркутска адмирала Колчака. Но в результате не только не успели спасти своего идейного предводителя и воинского начальника, но и ускорили его гибель, напугав новую власть в городе стремительным броском на Иркутск.

Тридцатого января 1920 года Белая армия разбила высланные навстречу красные отряды у станции Зима и, двигаясь на Иркутск, с ходу взяла Черемхово. В городе казаки разогнали шашками шахтерские дружины и расстреляли местный ревком, выстроив босых, избитых в кровь мужиков в исподнем на морозе у каменной стены городского сада.

Николаев командовал отрядом казаков, отчаянных, прошедших несколько лет войны с германцем и вот теперь сцепившихся с большевиками. Лютость усталых до смерти солдат зашкаливала, и с трудом удавалось отговорить самых злых от жестокой расправы над пленными. Но и пленные порой давали повод — злословили, обвиняли казаков, что служат они господам, вместо того чтобы поддержать народ. В ответ не снимавший с себя шашки уже несколько лет и не владеющий часто собой урядник Прохор Зырянов вдруг завопил с дикой гримасой отчаяния на лице и с криком рубанул с ходу подвернувшегося комитетчика. У несчастного от косо поставленного удара шашкой развалилось тело от плеча до груди, и подрубленный мужик опустился на соломенных ногах и лег уже бездыханный. Только и успел кто-то выдохнуть из казаков оторопело:

— Ой, беда! Развалил-таки Прохор дядьку.

Зырянов, белый как снег, крутнулся на своем мерине и дал ходу. Едва уняли истерику казака вечером, напоив самогоном. А тот сидел у стола, словно одеревенев, как лавка, на которую сел грузно, и скулил в тоске. Прохор скулил, лавка скрипела под ним, вторя голосу беды. Был человек — не стало человека.

При этом дела в армии с вооружением и боеспособным личным составом были крайне плачевными, но присутствовала решимость взять город и освободить Колчака. Генерал Войцеховский выдвинул оборонявшим город ультиматум с требованием освободить адмирала и арестованных с ним лиц, предоставления фуража и выплаты контрибуции, обещая обойти в этом случае Иркутск стороной. Большевики в ответ, конечно, ответили отказом, насмешками и пульнули из пушки поверх голов, словно поставили жирную точку, отвергая согласие.

Отряд казаков, в котором был и Николаев, прикрывал тылы армии и, когда было принято решение обойти город и по льду Ангары уходить к Байкалу, наткнулся на заслон красных. Слабо вооруженные красные рабочие дружины окопались у деревни Зверево, и чтобы их обойти, пришлось отрядить пару десятков казаков во фланг и под прицельным огнем опрокинуть резким наскоком красный отряд. В том бою удалось вырубить почти всех, и поручик вспоминал спину бегущего перед ним неумелого в бою мужика, судя по всему, работающему с винтовкой. Он бежал неуклюже, неловко, потерял шапку, то и дело оборачивался, сияя лысиной и смотрел очумело, заворотив голову на скачущего за ним поручика дикими от страха глазами. Было скользко, и плохо кованный конь под поручиком скользил, и его занесло на повороте, и он едва не опрокинулся, присел на задние ноги и заскользил по льду крупом. Николаев уже собрался выскочить из седла, боясь, что придавит его падающий конь, но тот чудом удержался, встал и, выровняв ход, пошел прытким галопом дальше. Наконец они настигли убегающего красногвардейца, и, уже не мешкая, Николаев рубанул его наискосок по спине шашкой, и мужик вскрикнул тонким голоском и сразу уткнулся лицом в снег и засучил от боли ногами.

Разгромив заслон, остатки эскадрона пошли через предместье в сторону Ангары, но снова сбились с пути и наткнулись на боевые порядки красных. Встреченные пулеметом казаки взяли уходить по льду реки под огнем красногвардейцев в сторону бурятских Усть-Ордынских степей. Здесь было спокойнее, и, перемещаясь по степи и

перелескам мимо сел, добрались до Баяндая и уже готовы были свернуть в сторону Бугульдейки — прибрежной деревни, от которой шла ледовая дорога через Байкал в сторону Посольского, как наткнулись на отряд Нестора.

Усталые, измученные скачкой казаки были настигнуты врасплох, не успели развернуться в боевой строй и дать ответный отпор настырным анархистам Нестора Каландаришвили. Всадники, разряженные в самые разнообразные одежды, раскосые, в мохнатых шапках, вооруженные пиками, под вой трубы, с гиканьем, трещетками, с дикими криками на самых разнообразных наречиях, кинулись в атаку, и в них чувствовалась животная свирепость, невероятная решимость и желание рвать врага на куски. Белоказки, усталые, измочаленные долгими переходами и едва державшиеся в седлах, пустились наутек, нахлестывая коней. Всадники Нестора на сытых конях догоняли и вырубали казаков поодиночке, как на учениях.

В том скоротечном, как взмах крыла ворона, бою, погибли почти все. Спаслись только самые изворотливые, быстрые на молодых и хорошо подкованных конях. Сам Николаев, отстреливаясь, как-то оторвался, загнав коня до пены на морде, и ушел с группой самых цепких на север в сторону Качуга.

VI

Нарвавшись на зажор и заслоны красных, пришлось уходить с удобного маршрута по руслу реки и двигаться дальше по берегу по засыпанным снегом лесным дорогам, утопая порой по пояс. Так дошли до Байкала и, круто взяв влево, двинулись вдоль скалистого берега, минуя поселок Лиственничный, и далее через озеро, стремясь попасть на станцию Мысовую. В этих местах, по сведениям разведки, держали оборону войска атамана Семёнова и японский батальон.

Лед на Байкале коварен: множество трещин и нерпичьи лунки-проталины, припорошенные снегом, делали путь по льду на десятки верст крайне опасным. Ледяной ветер и торосы требовали невероятных усилий. Плохо кованые лошади скользили по льду и падали, отказывались вставать и идти дальше.

Вереница обозов и бредущих под шквалистым ветром людей растянулась на многие километры. Весь путь по озеру был усеян брошенными повозками, павшими лошадьми и людьми. В какой-то момент пала лошадь, везшая гроб с телом генерала Каппеля. Кто-то предложил опустить тело в Байкал, мотивируя предложение тем, что не доберутся в этом случае «большаки-лешаки» до славного генерала, однако большинство выступило против. Сменили лошадь, и Каппель продолжил свой последний путь со своей армией. Незримо дух генерала Каппеля питал волю и надежду разбитого, но не поверженного ещё белого воинства.

Двенадцатого февраля передовые части Ижевской дивизии вышли к окраинам станции Мысовой на берегу Байкала, где были встречены частями японского экспедиционного корпуса. Настороженные японцы, выстроившись у берега, заваленного льдом, молча наблюдали за бредущими мимо измождёнными людьми, но с оружием и в строю, невольно соизмеряя священный для них дух бусидо и тот великий стоицизм, что являло увиденное ими. Весь день части армии и обозы выбирались на берег Байкала и сосредотачивались на берегу. Через озеро переправились около тридцати тысяч человек, из которых практически все были обморожены, ранены, протужены или страдали от тифа.

В тот же день на станции Мысовой под перезвон колоколов отслужили первую панихиду по генералу Каппелю в часовне над Байкалом солдаты и офицеры, имевшие честь служить под знаменами полков армии генерала. Пережив тяжкое испытание, тяготы ледового перехода, гибель товарищей и понимая всю неопределённость своего положения, эти люди чтли своего командующего, преклоняя в знак величайшего уважения колени и изрядно поседевшие в походе головы.

Из Мысовой отряды Сибирской армии отправились в Верхнеудинск, а затем в Читу. До окончания зимы в Забайкалье небольшими группами вышли ещё тысячи офицеров, солдат, казаков и мирных беженцев. Этот путь будет назван Великим Сибирским Ледовым походом, по аналогии с Ледовым походом Добровольческой армии генерала Лавра Корнилова на Кубани, и продлился он с ноября до апреля на три тысячи вёрст от Омска по полному бездорожью, снегам, тайге, руслам рек и Байкалу в сильнейшие морозы, в боевых столкновениях, в условиях тягостного мучительного выживания.

Так вершился великий исход русского воинского и гражданского духа, великий перелом и великая мука истерзанной непосильной ношей непонимания, горя и отчаяния страны, раздираемой противоречиями. Русский дух выдавливался прессом большевизма. Растекалась по миру русская душа, удаль и ум великого народа. Мир принял их и стал лучше, но безмерно потеряла Россия.